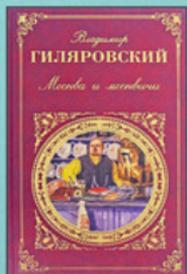

Владимир Гиляровский

На Хитровке

Часть сборника
Москва и москвичи (сборник)

Владимир Алексеевич Гиляровский
На Хитровке
Серия «Люди театра»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172972

Москва и москвичи: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-11515-0

Аннотация

«В 1883 году И. И. Кланг начал издавать журнал „Москва“, имевший успех благодаря цветным иллюстрациям. Там дебютировал молодой художник В. А. Симов. С этого журнала началась наша дружба. В 1933 году В. А. Симов прислал мне свой рисунок, изображавший ночлежку Хитрова рынка. Рисунок точно повторял декорации МХАТ в пьесе Горького „На дне“...»

Владимир Гиляровский

На Хитровке

В 1883 году И. И. Кланг начал издавать журнал «Москва», имевший успех благодаря цветным иллюстрациям. Там дебютировал молодой художник В. А. Симов. С этого журнала началась наша дружба. В 1933 году В. А. Симов прислал мне свой рисунок, изображавший ночлежку Хитрова рынка. Рисунок точно повторял декорации МХАТ в пьесе Горького «На дне».

На рисунке дата и надпись: «Дорогому другу дяде Гиляю, защитнику и спасителю души моей, едва не погибшей ради углубленного изучения нравов и неврединно извлеченной из недр хитровской ночлежки ради „Дна“ в МХАТ в лето 1902 года. В. Симов».

Рисунок В. А. Симова напомнил мне эпизод в ночлежке, населенной людьми театра.

В начале восьмидесятых годов в Москве были только две театральные библиотеки. Одна – небольшая, скромно помещавшаяся в мебелирашках в доме Васильева, в Столешниковом переулке, а другая, большая – на Тверской.

Первую содержал С. И. Напойкин, а вторую – С. Ф. Рассохин. Первая обслуживала главным образом московских любителей и немногих провинциальных антрепренеров, а вторая широко развернула свое дело по всей провинции, вклю-

чительно до Сибири и Кавказа. Печатных пьес, кроме классических (да и те редко попадались), тогда не было: они или переписывались, или литографировались. Этим специально занимался Рассохин. От него театры получали все пьесы вместе с расписанными ролями.

Библиотека на Тверской была в бельэтаже; филиальное же отделение, где велась вся переписка, помещалось в грязнейшей ночлежке Хитрова рынка, в доме Степанова. Здесь в нижнем этаже ютился самый разбойничий трактир «Каторга»... А в надворном флигеле, во втором этаже, в квартире номер шесть, состоявшей из огромной комнаты, разделенной сквозной дощатой перегородкой, одну половину занимали нищие, а другую – переписчики Рассохина. Они работали в экстренных случаях ночи напролет.

Огромнейшие деньги получала библиотека, наживая с заказчиков в десять раз больше, чем платила своим «писакам», как их звали на Хитровке.

За расписывание ролей они получали по тридцать пять копеек с акта, а акты бывали и в семь листов и в десять. Работа каторжная, в день можно написать шесть-семь листов, не больше. Заработок в день выходил от двадцати до тридцати копеек, а при самых выгодных условиях, то есть при малых актах, можно было написать копеек на сорок.

– Если пишем с листа, – рассказывал хитрован, бывший суфлер, – то получаем по пять копеек за лист, и тоже более восьми листов не напишешь. Эту работу мы считаем выгод-

ною и очень рады, когда она нам попадает, но это бывает редко. Вся беда в том, что работа у нас не постоянная – нынче, завтра кое-что, а там дня два ничего нет. Куда хуже нищих! Они в другой половине нашей квартиры живут. Не житей им, а малина. Раза три в день пьяны бывают, выпятыся и опять лопают. И кусочки им подают с купеческого стола, и одеты тепло – даром, что с виду лохмотья. День гуляют, а ночью дрыхнут так, что писать нам нельзя, – от воздуха лампа гаснет. А мы сидим босые и полуголодные и никак на одежонку не соберем... И покупать уж не стараешься – все равно пропьем. Я только что вырвался оттуда, дядя вчера нашел меня там босым, в одной рубашке, сводил в баню, постриг, как видишь. Послезавтра еду с ним в Казань – он меня в театр опять пристроит. Там суфлер плохой.

– Может быть, ты меня сведешь? – спросил я его.

– Никак нельзя... Как попаду, опять застряну. Оттуда выхода нет: придется все пропить, там не выпустят... Со мной уже это бывало. А ты обязательно сходи. Придешь, увидишь, за столом сидят, или едят, или водку пьют. Прямо к ним. Спроси там старшего, Ивана Артемьевича, скажи, что тебя из библиотеки прислали, просят работишку дать тебе... Да оденься как можно похуже. Иван Артемьевич у нас выборный, потрезвее других. Библиотека ему сдает на руки работу, ему и деньги уплачивает, а он уж рассчитывается с нами: все деньги делим поровну, а ему сорок копеек за ходьбу с каждой полочки даем, кроме заработанной доли.

На другой день, в воскресенье, я пошел на Хитровку под вечер. Отыскал дом Степанова, нашел квартиру номер шесть, только что отворил туда дверь, как на меня пахнуло каким-то отвратительным, смешанным с копотью и табачным дымом, гнилым воздухом. Вследствие тусклого освещения я сразу ничего не мог разобрать: шум, спор, ругань, хохот и пение – все это смешалось в один общий гул и настолько меня поразило, что я не мог понять, каким образом мой приятель суфлер попал в такую ужасную труппу.

Мой приход никого не удивил, и никто не полюбопытствовал о цели моего появления. Я стал осматриваться: это была огромная квадратная комната в пять окон; вокруг стен были сплошные нары, и на них в самых непринужденных позах кто сидел, кто лежал; некоторые чинили свои отрепья. Соседняя ночлежка, нищенская, была еще хуже. Там под нарами, на разостланных на полу грязных рогожах, ютились преимущественно женщины; тут же, на протянутых над нарами веревочках, сушились грязные тряпицы, юбки и другие принадлежности женского туалета. Пол был отвратительно грязен и блестел от мокроты. Нога ступала в мокрую грязь так же мягко, как на улице. Посреди комнаты за большим столом, под висячей лампой, сидело человек шесть, и казалось, они очень спешили сшивать какие-то тетради. Я подошел к столу и спросил об Иване Артемьевиче.

– Он болен, – усмехнувшись, ответил мне маленький рыженький человечек с быстрыми плутовскими глазками. –

Нынче он не выходил из своих апартаментов, но труп его можете узреть вон там налево, под нарами, откуда – слышите? – раздается богатырский храп.

– Он справляет байрам, – пояснил мне другой, сидевший в темной рубашке с оторванным по локоть рукавом, – и если он вам нужен и вы в состоянии поднести ему стаканчик жизненного эликсиру, то он сейчас же явится к вам.

– Я послан к нему из библиотеки, – объяснил я, – и желал бы узнать относительно условий переписки.

– Ну, насчет этого вы сегодня вряд ли что узнаете, потому что Иван Артемьевич, говоря откровенно, нынче пьян; да и вообще, судя по вашему обличью – костюму, – вы не согласитесь работать с нами.

В это время подошел к столу высокий мужчина с усами, с лицом безжизненного цвета, одетый в коротенькую, не по росту, грязную донельзя рубашку, в таких же грязных кальсонах и босиком. Волосы его были растрепаны, глаза еле глядели из-под опухших красных век. Видно было, что он со страшного похмелья и только что встал от сна.

– Кто пришел из библиотеки? – спросил он хриплым голосом. – Деньги принесли? У кого деньги? Давайте порционные!

Между сидевшими за столом раздался смех. Высокий человек направился ко мне. Я в нерешительности хотел было отступить, но он, обходя стол, поскользнулся и, падая, задел меня.

– Ah, pardon, – проговорил он, вставая с полу и протянув ко мне свои мокрые от грязи руки, – я это нечаянно. Мне послышалось, что кто-то пришел из библиотеки, я и думал получить свои порционные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.